

Н.А. Голубева (Нижний Новгород)

СЛОВО. ТЕКСТ. ДИСКУРС. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Особое место в статье отводится исследованию лингво-когнитивной базы прецедентных единиц, описанию их категориальных характеристик, рассмотрению понятийного аппарата, объясняющего их систематизацию в рамках единой номинативной категории. Здесь же определяется метод и задается алгоритм исследования этих номинаций.

Special attention is paid to revealing linguo-cognitive foundations of precedent language units, establishing their categorial characteristics and basic notions that explain the systematization of these units within a single nominative category. The method and a special algorithm to study these nominative units are worked out.

В лингвистике XX века, по замечанию Г.А. Золотовой, наблюдалась тенденция к укрупнению единиц для их изучения: от фонемы к слову, словосочетанию, предложению, синтагме или синтаксеме, высказыванию, абзацу, прозаической строфе, сверхфразовому единству, тексту. В новом тысячелетии этот ряд расширяют «глобальные группировки текстов». Они базируются на принципах увязки внеязыковых факторов с языковой действительностью и соотносятся с разновидностями употребления языка, оказываются приоритетными категориями речеведения, синонимизируемого с текстообразованием (Костомаров 2005: 48).

В исследовании языка нельзя не заметить движение, устремленное к наиболее абстрактным, глобальным смыслам в системной организации лексики (ср. концепция местоимений как «смысловых исходов» Н.Ю. Шведовой, «категоризации семантики» в системе функциональной грамматики А.В. Бондарко). Тенденцию к глобализации¹ через «категоризацию мира» поддерживает Ю.Н. Караулов, выделив в отдельную парадигму сеть *прецедентных текстов* (Караулов 2003). Новая теория категоризации, по мнению лингвистов, является

¹ *Глобализация* понимается в данном случае как *всеобъемлемость, масштабность* представления лингвистических сущностей в отличие от *глобализации* как процесса распространения информационных материалов, связей, средств и систем в транснациональных масштабах.

одним из основных достижений когнитивной лингвистики на сегодняшний день (Васильев 1998: 172-173). Решая проблемы «категоризации мира», когнитивная лингвистика, таким образом, набирает силу.

В нашем случае речь идет также о «категоризации семантики», точнее, о дальнейшей разработке новой языковой категории, **категории прецедентных единиц**, категории более высокого уровня абстракции в сфере мыслительного (смыслового) содержания, находящего выражение в языках разных типов. Л. Талми разработал понятие *когнитивной репрезентации объекта*, разные компоненты которой характеризуются лексической и грамматической подсистемами языка. При этом предложение или какая-либо другая часть дискурса активизирует в сознании слушающего определенную часть его опыта, которая и является когнитивной репрезентацией (Talmy 1985).

Прецедентные единицы (в дальнейшем – **ПЕ**) можно считать одной из доминирующих моделей речетворчества, для которой важнейшим условием её продуктивности и функционирования является *когнитивная репрезентация*, по Талми, или - в расширительном значении - *когнитивная база* лингвокультурного сообщества, как её понимает Д.Б. Гудков. А именно, под когнитивной базой понимается определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества. Когнитивную базу формируют не столько представления как таковые, сколько инварианты существующих и возможных представлений о тех или иных феноменах, которые хранятся в эволюционизированном, редуцированном виде (Гудков: <http://www.infolex.ru/SM11htm>).

Когнитивной базой для ПЕ служат прецеденты в широком смысле. Поэтому ПЕ функционируют как *образцовые языковые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов и представленные в речи определенными вербальными сигналами, которые актуализируют стандартное или нестандартное (по своей креативности) содержание*. В этом широком понимании прецедентов в них включаются языковые клише и штампы разного уровня, стереотипы, фрейм-структуры, репрезентанты гипо-гиперонимической связи, устойчивые сравнения и т.п. единицы. Прецедент в данном значении представляет собой определённый «стереотипный

образно-ассоциативный комплекс», значимый для определённого социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума (Телия 1988: 30).

Таким образом, под **прецедентными единицами** (< лат. *praecedens, praecedentis* – идущий впереди, предшествующий) понимаются *когнитивные трансформы*. Прецедентные единицы есть результат семантической деривации во взаимодействии с прагматическими факторами, они являются *лингвокогнитивными знаками прецедентов в широком смысле*. Это есть единицы, производные от языковых знаков, имевших ранее место в языке и служащие примером, основанием (смысловым и структурным элементом) для последующих случаев их языкового употребления в новой констелляции.

Внутри прецедентов в широком понимании учёными выделяется группа прецедентов, которые фигурируют как **прецедентные феномены (ПФ)**. Д.Б. Гудков подчеркивает, что содержание этого термина не исчерпывается его внутренней формой, не равно сумме значений составляющих его слов, т.е. далеко не каждый феномен, обладающий прецедентностью, может быть назван прецедентным феноменом. Основным отличием прецедентных феноменов от *прецедентов иных типов* является то, что первые оказываются связанными с коллективными инвариантными представлениями конкретных «культурных предметов», национально детерминированными минимизированными представлениями последних (Гудков, там же). Таким образом, прецедентные феномены представляют собой особую группу вербальных или вербализуемых феноменов, относящихся к национальному уровню прецедентности.

Прецедентные единицы в нашем понимании могут относиться и к *прецедентам другого типа*. Они, так же как и некоторые прецедентные феномены (прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя), образуют группу вербальных ментальных репрезентаций. Но в отличие от ПФ ПЕ носят универсальный языковой характер, потому что наблюдаются во многих языках и относятся как к **системно-языковому**, так и **индивидуумному уровню прецедентности**. Именно на этом основании разного рода квази-цитации и скомпилированные пословицы, поговорки и хорошо известные изречения можно причислить к ПЕ, которые являются не ПФ, а их производными, но в работах многих авторов фигурируют,

тем не менее, как ПФ. Ср.: *Модники и модницы, объединяйтесь!* (рекламный щит). Последнее позволяет судить о степени феноменологичности ПЕ.

Формируя номинативную систему, прецедентные единицы представляют собой совокупность разнородных формальных, грамматических, лексических и прагматических средств языка, которые объединяются в сложное целое, созданное по единой понятийно-знаковой, когнитивно-значимой модели – **прецедентеме**. Прецедентеми реализуют разноуровневые лингвоментально ценные единицы, слова-понятия, которые имеют *прецедентное значение*, а именно *фактитивность знания* о событии, предмете, образе, его качестве или свойстве. Прецедентное значение мы рассматриваем как *пресуппозицию существования языковой единицы*. Суть данных номинативных единиц обуславливается прецедентным содержанием, их когнитивная функция заключается в хранении общеизвестных или нестандартных/необычных когниций.

Исходя из сформулированного выше определения ПЕ, при их рассмотрении должны найти место такие понятия как прецедентема, прецедентный феномен: прецедентная лексема, прецедентное имя, прецедентное слово, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и связанные с ними многие языковые явления: словообразование, вторичная номинация, повторная номинация, семантическая деривация, отсылка, метафора и т.д.

Из сказанного следует, что за ПЕ всегда стоит когнитивная структура, имеющая феноменологический и/или лингвистический статус. Когнитивная структура как результат когнитивной репрезентации является формой кодирования и хранения информации и представляет, по определению Л.В. Лаенко, «неделимую и нечленимую когнитивную единицу, хранящую «свернутое» знание и/или представление» (Лаенко 2004: 121). Автор делит все когнитивные структуры на *феноменологические* и *лингвистические*. Первые формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы: исторических фактах, реалиях личностей, законах природы, произведениях искусства, в том числе литературных. Лингвистические когнитивные структуры лежат в основе языковой и речевой компетенции. Они формируют совокупность знаний и представлений о

законах языка, его синтаксическом строении, лексическом запасе и т. д. (Там же).

При функционировании ПЕ в дискурсе могут актуализоваться одновременно оба вида когнитивных структур, что не исключает также реализации только одного вида, а именно, лингвистической когнитивной структуры. Последнее связано с разными типами ассоциаций, т.е. с разными установками на использование когнитивной базы Говорящего. Это обстоятельство является определяющим при классификации ПЕ.

Важнейшую роль в появлении и функционировании ПЕ играет *мотивационный уровень*. Он многогранен и таит в себе многочисленные коды взаимосвязей ПЕ с их прототипами и аналогами². Несомненно, он сложен для исследователя, потому что отражает интересы, устремления, цели и номинативные стратегии носителя языка не только в синхронии, но и в диахронии, синтезирует все языковые уровни.

Являясь в большинстве своем производными знаками, ПЕ функционируют в виде «уже готовых» языковых формул, или в качестве новых, ранее неизвестных по форме, функции и смыслу словных обозначений, создающих «прецедент» для их последующего употребления. К их категориальным характеристикам относятся *ментальность, производность, реляционность, отсылочность, репрезентационность, стереотипность* (повторяемость, узнаваемость), с одной стороны, и *гетерономинативность* (номинативно-знаковая вариативность), *лингвокреативность* (неординарность, словотворческое новаторство), с другой.

Как известно, языковой знак любого уровня не лишен соотношения двух референциальных составляющих: предметно-логической и эмоционально-экспрессивной, даже если одна из них представлена нулевым значением. Первая компонента соотносит его непосредственно с денотатом и не допускает его замены синонимами (если иметь в виду, что в языке нет абсолютных синонимов) или же другими коррелирующими средствами обозначения. Вторая компонента означающего предполагает наличие парадигматических связей: его заменяемость

² Под *прототипом* мы понимаем, вслед за А.В. Бондарко, лингвистическую сущность, отличающуюся наибольшей специфичностью и способностью к воздействию на производные варианты, имеющую статус «источника производности» (Бондарко 2006: 23).

синонимами, антонимами и иными эмоционально окрашенными, «сниженными» или «возвышенными» выразительными средствами. И, как справедливо отмечает В.Г. Костомаров, «во избежание штампования в условиях интенсивной повторяемости они постоянно обречены на немедленную сменяемость» (Костомаров 2005: 48). Этот фактор принципиально важен для формирования генетического кода ПЕ.

В этой связи нельзя не согласиться с Л.И. Гришаевой в том, что «каждый текст – независимо от его принадлежности к определенному типу и от его функционально-стилистической вариативности – представляет собой упорядоченный комплекс вербальных и невербальных (аудиальных, визуальных, кинестетических) сведений, которые неразрывно связаны между собой. Поэтому каждый текст можно мыслить как некий фрагмент из соответствующих национально-специфической концептуальной и языковой картин мира» (Гришаева 1998). Этот «некий фрагмент» может повторяться.

Прецедентный текст, «можно считать **коммуникативным прецедентом**, образцом, который помогает в сходных условиях в будущем решать стоящие перед коммуникантами задачи: номинативные, коммуникативные и прочие (Там же). «Коммуникативный прецедент» служит для ПЕ «гносеологическим прототипом» в терминологии Л.И. Гришаевой, и он принципиально важен для формирования коммуникативного кода ПЕ. Именно он является коммуникативной составляющей ПЕ, проецирует *отсылочную* часть при возникновении коммуникативных (дискурсивных) синонимов, отражает их прагматическую реляционность. Однако коммуникативная составляющая должна иметь свою языковую форму воплощения в номинативном содержании прецедентной единицы, и она её находит.

Проследим схематично функционирование когнитивных структур (ментефактов) на когнитивной базе прецедентных текстов, существование которых сводится, по Караулову, к трем способам. Первый, натуральный способ, доносит до читателя первичный текст «как прямой объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии» путем его простого и полного воспроизведения (повтора). Второй способ, трансформационный, представляет собой «вторичные размышления по поводу исходного текста» и находит своё применение в критических статьях, рецензиях и исследованиях. Наконец, третий способ,

семиотический, репрезентирует оригинальный текст через намёк, отсылку, выделение признака. Тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения отдельные его фрагменты (Караулов 2003: 217). Третий способ представляет для нас наибольший интерес, так как он реализует номинативную (лингвосемиотическую) природу ПЕ.

Для этого отвлечёмся от понятия «прецедентный текст» в традиционном понимании и заметим, что тексты имеют свойство быть воспроизводимыми. Но любой текст, если он не заучивается и не воспроизводится специально в полном объёме, редко повторяется в процессе коммуникации целиком, чаще всего он вводится в компрессированном, усеченном виде. Средством включения обычного текста в дискурс является прецедентная единица, она актуализует его в интеллектуально-эмоциональном поле Говорящего, т.е. текст как лингвоментальная единица выступает базовым референтом ПЕ. Из этого вытекает номинативная природа соотношения текста, прецедентного в том числе, и ПЕ.

В номинативной структуре всякого производного слова представлены две части. Одна из них, *собственно-лексическая*, выступает мотивирующим компонентом в новом обозначении, так как отсылает к известному (лексическому) источнику деривации. Эта часть является *отсылочной*. Ср. *leisten – das Geleistete; des halber – deshalb; wenn schon – wenschon; ob, wohl – obwohl; wenn, auch – wenn auch; die Weile – weil; abschaffen – die Abschaffung; достигать – достигнутое, не смотря – несмотря, по чему – почему, сходить в театр – поход в театр, свергнуть – свержение* и т.д. В этом случае речь идет о *языковом прецеденте*. Вторая часть производного слова komponуется формообразующим элементом (словообразовательным и / или грамматическим). Ср.: *(по)читать – (по)читатель; Выше нами было сказано – сказанное нами выше; говорить – говоря; lesen – Leser; Es wurde oben von uns gesagt – das von uns oben Gesagte*. Этот фактор является важным для формирования номинативного кода ПЕ.

В целом ПЕ семантически воспроизводят то, на что указывают, и, как правило, с приращением смысла. Здесь необходимо заметить о нюансировании отсылочного компонента в семантической структуре ПЕ. Для одних из них лексический

компонент существенным образом зависит от их семантического прообраза, как в нижеследующих примерах:

... zu deren inhaltlicher Vollgültigkeit noch **etwas fehlt**. Ist **dieses Fehlende die reale Erfüllung**... (Schmidt, 221).

Die Regulation kann veräußerlicht oder verinnerlicht werden... Diese regulierende Leistung gründet sich auf... (KE, 30).

Из приведенных примеров видно, что ПЕ базируются на предикате высказывания и составляют семантический эквивалент пропозитивной части. На этом основании эти ПЕ являются предикатными знаками.

Но ПЕ не всегда могут сохранить собственно-лексический элемент источника деривации (пропозиции) из-за его смысловой емкости или разнородности. Тогда эту лексическую лауну заполняет сема ментальности, которая является общим лексическим знаменателем ПЕ как результат обобщающей, абстрагирующей речемыслительной деятельности Говорящего. *Ментальность* выступает, таким образом, отсылочной частью производных текстовых единиц. Поэтому для определённого разряда ПЕ анализ семантических свойств текста необязателен, так как их лексический компонент остается неизменяемым в пределах семантической группы ментальных глаголов. Таким способом ПЕ маркируют структурно-семантическую деривацию фрагмента или целого текста. Ср.:

(Дается описание словообразования глагола – стр. 266-271, на которое в нижеследующем предложении делается ссылка)

Entsprechend **dem unter 2.6.6.1. (2) Gesagten** werden zu den verbalen (und beschränkt auch nominalen, ↑ 2.6.4.5.) Präfixen auch die Elemente (...) gerechnet (KE, 271).

Повышение удельного веса лексического компонента ПЕ снижает, как правило, коэффициент её отождествления с производящей номинацией (будь то простой или сложный номинативный знак), который может сводиться к подобию за счет внесения в ПЕ семантических осложнений субъективного плана. Ср. *die genannten Kriterien* → *die aufgelisteten Kriterien* → *die vorgeschlagenen Kriterien* → *die postulierten Kriterien*.

Ментальность – семантическое свойство отсылочных языковых знаков, которое характеризует их как продукт сложного комплекса явлений, основанного на умственной и психической деятельности субъекта речи. Ментальность корреспондирует с *отсылочностью* ПЕ. Эти два категориальных свойства обуславливают *интерпретационность* ПЕ, ибо, по замечанию

Ю.Д. Апресяна, чаще всего интерпретируются физические, речевые или ментальные действия, либо мнения человека, т.е. его контролируемые ментальные состояния (Апресян 2004: 6).

Абстрагирование от конкретного семантического значения базового референта при помощи отсылочных единиц даёт возможность вторичного означивания семантики пропозиции. Реальность, к которой отсылают эти знаки, – речь и аналитическая работа мысли Говорящего. Ср.:

Ein zukünftiges Geschehen wird so lebhaft dargestellt, als rolle es sich.... Das noch nicht Stattgefundene gewinnt den Anschein des Gegenwärtigen (Schendels 1979: 50).

Приведенный пример иллюстрирует возникновение ПЕ (повторной номинации) *das noch nicht Stattgefundene* на синтагматическом уровне и коммуникативного синонима на парадигматическом уровне.

ПЕ означивают информативно-мыслительные сгустки, представляют речемыслительный акт в миниатюре. Как номинативные знаки они отражают результат интеллектуальной деятельности человека, дают имена «информационным объектам», предопределяют поведенческие акты реципиента. ПЕ переносят уже имеющие место суждения, мнения, утверждения, сообщения или факты в смысл речевого произведения, констатируют результат достигнутого знания в сознании коммуникантов. Они устраняют акцидентные характеристики замещаемого речевого процесса, сохраняют лишь его сущность, бытие, являются *вторичным речевым сигналом*. Эти дискурсивные единицы не только формируют «языковую личность автора» (термин Ю.Н. Караулова) в тексте, но и определяют параметры коммуникативного пространства.

В свете сказанного изучение ПЕ мыслится в рамках когнитивной науки: когнитивной лингвистики и когнитивной психологии. Именно «принципы увязки внеязыковых факторов с языковой действительностью» являются главным объектом когнитивной лингвистики, цель которой заключается в том, чтобы понять, как языковое знание, закрепленное в семантической системе языка (в лексических и грамматических значениях), связано с внеязыковым знанием, как естественный язык взаимодействует с ментальным языком (языком мысли). В свою очередь, как отмечает Е.С. Кубрякова, «...когнитивная психология, по словам её создателя У. Найссера, должна заниматься всеми процессами, в ходе которых сенсорные данные на

входе трансформируются, редуцируются, обогащаются, откладываются для их хранения и используются». И далее: «Именно при описании языковой способности, как одной из когнитивных способностей человека были впервые описаны знания языка, хранящиеся в голове человека и выступающие в виде *ментальных репрезентаций* (выделено нами – Н.Г.). «Сам вопрос о представлении знаний в голове человека, об их репрезентации, а также положение о том, что совокупность подобных представлений формирует разум и интеллект человека – центральные вопросы для когнитивной науки» (Кубрякова 2004: 4).

Дискурс как когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, представляет собой благодатную почву для выявления всякого рода ментефактов, которые есть не что иное, как субституты событий, явлений, фактов, информационных состояний, подменяющие собой реальность / действительность (Сулимов 2006). Ментефакты – это когнитивные трансформации, которые приобретают постоянный, а потому закономерный характер, и меняют традиционную роль и характер рассмотрения некоторых лингвистических явлений. Ментефакты позволяют превратить многие языковые приёмы в продуктивные модели речевой деятельности (ср. номинация как приём номинативной техники и номинация как языковая единица, результат процесса номинации; метафора как стилистический приём и метафора как текстема, текстовая единица).

Являясь объектом когнитологии, теория *прецедентных единиц* (ТПЕ) находится в излучине многих языковых теорий: словообразования, номинации, теории текста, интертекстуальности, коммуникации, речевых актов, референции, концепции логоэпистем; вторичных концептов, номинализации, субституциональной, интеракциональной, (ре)презентационной, антропоцентрической и является, таким образом, синтезирующей частью теории языка. ТПЕ базируется на *теории системности*, которая, по замечанию А.В. Бондарко, коренится в языковедческой традиции и играет важную роль в лингвистических теориях XX века, сохраняет в полной мере свою актуальность и заключает в себе возможности дальнейшего развития (Бондарко 2006: 22).

Науку об именах, о природе наименования, о средствах обозначения и их типах называют *ономасиологией*. Основной целью ономасиологии можно считать создание теории номинации, её главной задачей – «изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности» (Матезиус 1967: 228). Подобные средства, складывающиеся в каждой языковой системе, разнообразны и неоднородны. По-существу, каждый уровень строения языка, каждая его подсистема вносят свой вклад в образование новых наименований.

С постоянным созданием необходимых языковому сообществу новых наименований связано, как известно, такое звено в языковой системе как словообразование в широком смысле. Оно включает в себя понятия первичной, производной, вторичной и повторной номинации, ментефактов, языковых и речевых артефактов (глобализмов, окказионализмов и т. д.) и соответствует тем самым определённой системе языковых средств, единиц, связей, отношений, моделей и парадигм.

Определяя общие точки соприкосновения разных аспектов теории номинации, можно выделить такую область исследования, которая была бы посвящена *специальному ономасиологическому аспекту, анализу именованья тех языковых единиц, которые имеют единую гносеологическую (логико-понятийную) основу их существования в языке*. В настоящей работе мы попытались определить предмет этой специфической области и очертить контуры, которые раздвигают границы учения о номинации сферой **прецедентных единиц (прецедентных номинаций)**. Этот аспект мы будем именовать **прецедентной ономасиологией**. Задача прецедентной ономасиологии видится, прежде всего, в выявлении закономерностей существования и использования новой ономасиологической категории – *прецедентные единицы*, а также определении возможностей их *моделирования и классификации*, так как обращение к этим языковым и речевым знакам постоянно.

Формируя номинативную систему, прецедентные единицы представляют собой совокупность разнородных формальных, грамматических, лексических и прагматических средств языка, которые объединяются в сложное целое, созданное по единой лингвокогнитивной (понятийной) модели «*прецедент*». При этом концепт «прецедент» структурируется не только способом обращения к «прошлому» опыту/знанию, но и зачастую

как способ актуального обретения слушателем нового, неизвестного, но оригинального, нестандартного представления какой-либо сущности, явления, события, факта или вещи. Ср.:

*По словам 2-жи Орловой, это достаточно необычная **прецедентная новость**.*

Или: *Предлагаем Вашему вниманию хронологию событий, имевших **прецедентное значение** для развития Вашего бизнеса.*

Из сказанного вытекает основная исследовательская гипотеза – **соотношение прецедентных единиц и средств их включения в дискурс языковой личности имеет номинативную природу**. Эти средства коррелируют с любым номинативным знаком, включая текст, который объективирует прецедентные номинации по разным критериям. Здесь *текст* понимается как лингвистическая единица, имеющая прецедентное значение, как номинативный знак, именующий семантическую ситуацию, но не как текстовый жанр (поговорка, афоризм и т.д.), широко трактуемый в лингвистической литературе. Обусловить появление ПЕ в языке и речи могут содержательные или формальные признаки, эстетические мотивы или определённые эмоциональные состояния, сходные или артефактные ситуации, т.е. *прецедентные феномены* в широком понимании.

Исходя из сформулированного выше определения ПЕ, при их рассмотрении должны найти место такие понятия как «прецедентема», «логоэпистема», «презентема», «прецедентный феномен», «прецедентное значение». С этими понятиями связаны многие языковые процессы: словообразование, вторичная номинация, повторная номинация, семантическая деривация, текстообразование, реноминализация, кросс-референция, а также их результаты: производная единица, интертекстуальность, отсылка, презентема, вторичный концепт, пресуппозиция, внутренняя форма слова, метафора. Данные языковые явления и факты указывают на номинативную, грамматическую, прагматическую и коммуникативную реляционность этих единиц. Перечисленные понятия, вовлеченные в орбиту семантической категоризации, а именно «искусственной классификации», базирующейся на значимом когнитивном признаке «прецедентность», отражают в свою очередь разные лингвистические теории, подходы и взгляды, которые неизбежно пересекаются, трансформируются и, таким образом, развиваются.

Все ПЕ реализуют единую понятийно-знаковую, когнитивно-значимую модель – *прецеденту*, ср. понятия «логоэпистема» (Костомаров 2005), «презентема» (Олянич 2004). Н.Д. Бурвикова и Е.М. Верещагин понимают под «логоэпистемой» языковое средство, которое развило в своей семантической структуре некий особый «культурный» смысл, порожденный каким-то авторитетным текстом. (Цит. по: Костомаров 2005: 56). Прецеденту, как и логоэпистему, реализуют разноуровневые лингво-ментально ценные единицы (слова-понятия), которые имеют *прецедентное значение* – *фактивность знания о событии, предмете речи, образе, его качестве или свойстве*. Суть данных номинативных единиц обусловливается прецедентным содержанием, их когнитивная функция заключается в хранении общеизвестных или нестандартных/необычных когниций. Они, в свою очередь, выражаются разными ПЕ, единицами осмысления и измерения жизненных и интеллектуальных ценностей человека, преобразованных в его языковую компетенцию (ср. метафору-текст, поговорку, поэтическое имя собственное, речевой окказионализм или просто сложное слово).

Существенное свойство всех ПЕ заключается в их смысловой ёмкости и цельнооформленности. Прецедентные единицы ищут адекватные прецедентные феномены, в нашем понимании языковые и коммуникативные прецеденты, которые служат для них когнитивной базой в системе других единиц и в коммуникации. Все номинативные знаки, именуемые прецедентные феномены в их традиционном понимании, мы рассматриваем как ПЕ, но они не входят в задачи нашего рассмотрения и систематизации в данной работе, так как имеют достаточно подробное описание в трудах других авторов. В качестве коммуникативных прецедентов выступают в т.ч. «фоновые знания», которые создают когнитивные проекции для системы прецедентных единиц. Коммуникативные прецеденты могут иметь политическую, социумную, лингвострановедческую, религиозную, психическую, профессиональную, интеллектуально-фоновую направленность. В функции ПЕ фигурируют в лингвистике «советизмы», «народные номинации», «семейный нарратив», определяющий культурный социогенез ребенка. ПЕ встречаются в неофициальном студенческом дискурсе. Традиционно прецедентный характер носит тезоимен-

ность как способ именованя людей в современном христианском мире, т. наз. теонимы (собственные имена божеств), идеонимы (собственные имена духовной культуры), отономастические номинации (персонажи библейско-христианской традиции). Прецедентное значение имеют также окказиональные антрополоксемы.

Прецедентные имена относятся в нашем понимании к логоэпистемам и являются, таким образом, лингвокультурологическими единицами: культурными «знаками» и «скрепами» (Л.И. Гришаева), которые обладают не только эпистемической, символической, коннотативной, но в нашем толковании и номинативной, информативной, экспрессивной, модальной и другими функциями, присущими номинативному знаку. Порождённые каким-либо (авторитетным) источником, они устойчивы и в отрыве от него способны менять первоначальный смысл и стилистическую тональность. Тем самым они становятся удобным, хранящим языковую и культурную преемственность средством манифестации прецедентного феномена.

Структурно-синтаксическая характеристика ПЕ не является однородной. Это может быть простое или производное слово, словосочетание, предложение (текстема), макротекст в виде литературного произведения. Тезаурус ПЕ, другими словами, прецедентного слова в широком смысле, наполняется именами собственными, модальными формулами речи, паремиологическими единицами, прямыми цитатами и квази-цитатами, половицами и поговорками, риторическими вопросами и клише, метафорой и афоризмами, прецедентными «переводами», глобализмами, семейными текстами, гипонимами / гиперонимами и т.д. Под *глобализмами* мы понимаем, вслед за С.П. Денисовой, слова, словосочетания, выражения, которые связаны с *глобализацией*, процессом распространения информационных материалов, связей, средств и систем в транснациональных масштабах. (www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec/17.doc).

Учитывая только лишь одно из категориальных значений ПЕ – производность, можно было бы без труда перевести предмет нашего обсуждения в русло деривационной ономастиологии. Однако задачи *прецедентной ономастиологии* значительно шире. ПЕ представляют собой не только «своеобразное свертывание и семантическую компрессию того или иного синтакси-

ческого целого, в том числе и предложения», что присуще структуре многих *производных* в виде «универбализованного синтаксического единства» (Кубрякова 1977: 233), но и эксплицитно выраженные, развёрнутые предложения и их грамматические аналоги, которые не являются вторичными языковыми образованиями. К тому же кроме производных инвентарь ПЕ располагает простыми словами, стереотипными лексикализованными и грамматикализованными языковыми единицами, т.е. именованными знаками разной сложности. Многие ПЕ выстраиваются в словосочетания и высказывания на основе элементарных пословных обозначений.

Совершенно очевидно, что бо́льшая часть ПЕ принадлежит к субкатегории производных и автоматически переходит в субкатегорию *вторичных номинаций*, представляя собой результат морфологических и смысловых преобразований. Одновременно за ПЕ стоят процессы синтаксической и/или семантической транспозиций, ведущих к их фразеологизации и грамматическому идиоматизму. Однако и этот номинативный ресурс ПЕ не исчерпывает полностью их системной языковой значимости, так как среди них имеют место *повторные номинации*. Будучи наделенными категориальным свойством «прецедентность», ПЕ могут быть *первичными номинациями* (ср.okkaзионализм *глокая куздра*).

Таким образом, все вышеназванные номинативные субкатегории имеют общие гносеологические корни – логико-понятийную основу «иметь прецедент» или «стать прецедентом», т. е. обладают категориальным свойством *прецедентности*. Это даёт нам полное право рассматривать эти номинативные субкатегории в рамках единой номинативной категории *прецедентных единиц – прецедентных номинаций*.

Исходя из сказанного, в основу исследования ПЕ нами закладывается *метод – рассуждения на основе прецедентов*. Рассуждения на основе прецедентов составляют совокупность приемов поиска решения некоторой проблемы, в данном случае именованная прецедентной ситуацией, при известных решениях подпроблем (первичная референция объекта речи). В частном случае подпроблема может совпасть с проблемой, например, когда первичная номинация является одновременно прецедентным именем (имена собственные, уникамы,okkaзионализмы и т. д.).

Основными задачами в моделировании рассуждений на основе прецедентов являются: идентификация текущей проблемы; поиск подходящего прецедента; использование найденного прецедента для решения текущей проблемы; часто для этого следует выполнить адаптацию старого решения к текущей ситуации.

Некоторые алгоритмы данного метода основаны на *сравнении между прецедентами* (точнее той их части, которая обозначается как *случай*) и *целевой проблемой* и на *зависимостях внутри прецедентов*. Предложенный метод исследования позволит

□ определить номинативный статус ПЕ, выявить их положение в языковом сознании коллектива и роль в дискурсивном процессе;

□ установить степень прецедентности и феноменологичности языковых единиц, входящих в определённые языковые и речевые структуры, выстроить их прецедентное соотношение (сравнительные конструкции, обособления, парантетические вставки, грамматикализованные словесные комплексы, речевые артефакты);

□ проследить роль прецедентных (ключевых) единиц в формировании когнитивного поля и представлении когнитивной структуры, означающим которых они выступают;

□ установить языковую и дискурсивную сферу – источник функционирования ПЕ;

□ овладеть смыслами, стоящими за ПЕ как единицами языка и речи; проанализировать прецедентное содержание – соотношение языковых и коммуникативных прецедентов и прецедентных номинативных единиц, их выражающих;

□ выработать алгоритм классификации ПЕ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: Семантическая структура и свойства. // Русский язык в научном освещении. – 2004. – №1 (7). – С. 5-22.
2. Бондарко А.В. Категоризация в системе функциональной грамматики // Вопросы филологии. – 2006. – №1 (22). – С. 22-32.
3. Васильев Л.М. Общий взгляд на лингвистику XX века // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Вып.11. – Воронеж, 1998. – С. 167-174.

4. Гришаева Л.И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: Немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. / Л.И. Гришаева. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1998.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 3-е, стереотип. – М., 2003.
6. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М., 2005.
7. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 222-303.
8. Кубрякова Е.С. Об условиях когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. // Известия Академии Наук. Серия литературы и языка. – Т. 63. – 2004. – №3. – С. 3-13.
9. Лаенко Л.В. Пословица есть прецедентное высказывание?// Феномен прецедентности и преемственности культур / под общ. ред.: Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – (Серия «Монографии», вып. 8). – С. 120-126.
10. Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967.
11. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Автореф. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004.
12. Сулимов В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филологические науки. – 2006. – №1. – С. 40-47.
13. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1988.
14. Talmy L. Force dynamics in language and thought. – Chicago Linguistics Society – 21, Pt. 2: parasession on Causatives and Agentivity. – 1985. – С. 293-337.

Источники

1. Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie. – Leipzig, 1983.
2. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. – Berlin, 1966.
3. Schendels E. Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. – М., 1979.

Получено 10.04.2007 Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова

Голубева, Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; nagol@mail.ru.